

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

6. ДЕСЯТИЛЕТИЕ УДАЧИ

3. ПОСЛЕДНИЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

С каждым днем меняется окружающий нас пейзаж, с каждым часом все меньше становятся снежники, и на их месте тут же поднимают подслеповатые еще головки цветы. Только что приходилось дощечками от ящиков выстилать по снегу подступы к палатке, а теперь – гляди-ка! – вытянул из-под снежника импровизированный склад-холодильник.

Арабика смотрит на лагерь, щурясь сквозь наползающие из долины Жове-Квара облака. Откуда-то из-за палаток доносится гитара.

Арабика, Арабика,
Далекая Арабика,
Скалистая Арабика –
Чудесная страна!
Как в знойный день мираж-река,
Как в дни невзгод друзей рука,
Арабика, Арабика
Приходит к нам во снах. (*262)

Польская команда вооружена чудом современной техники – портативным электроперфоратором для пробивки отверстий под шлямбурные крючья. Изящная игрушка, чем-то похожая на "шмайсер", за 5–7 секунд высверливает отверстие, на которое при обычной технике пробивки уходит от 5 до 15 минут – и это самое меньшее.

Фантастика!

Сегодня двойка Збышека Рисецкого должна начать навеску самой нижней части Перовской, выйдя из базового лагеря, установленного на –600.

А мы еще на поверхности – готовимся к выходу на "сухое дно".

В составе нашей четверки Юра Бессергенов и Миша Косинов из Белоусовки и мы с Виктором Плотниковым из Усть-Каменогорска.

Наша задача – пройти километр пропасти, на обратном пути захватив как можно больше груза, оставленного предыдущей экспедицией: пустые баллоны от аквалангов, мешки с мусором и тому подобное.

Бессергенов укладывает в сумочку набор для забивки крючьев, задумчиво вертит в руках спринцовку: взять или выдувать пыль из шлямбурных отверстий пластиковой трубочкой-кембриком?

Плотников косит на него бесовский глаз:

– Юра, ты чего клизму берешь? Думаешь, запор будет?

– Вить, ну как с тобой без клизмы... – задумчиво бормочет Бессергенов, не отрываясь от сборов.

За палатками в районе кухни белоусовец Федя Рыльский снова берет гитару: чтобы дежурным было веселее варганить обед на такую ораву – нас на плато, считая женщин и детей, человек 25.

Там в троговых долинах ли
Когда-то ледники ползли
И упирались в ригели –

Откройся, мой Сезам!

И плакали в бессилии:
Точили камень слезы их,
А мы теперь по тем слезам
Пройдем, как по следам.

Между тем Бессергенов с Плотниковым продолжают вполголоса беседу:

– Ты чего чешешься, Вить?
– Да ноги грею!

Подходят поляки. Долговязый Алекс предлагает бульон. Весельчак Ян, прозванный Лениным за свою жизнерадостную лысину, смеется:

– Так как у нас нет чачи, то пьем вот это – барщ!

Бессергенов щелкает пьезозажигалкой своего карбидного налобника, поворачивается к Плотникову:

– Витя, посмотри, у меня "лоб" горит?
– Он у тебя медный... – бормочет Плотников.

И вот идем по тропинке, поднимающейся на барьер ригеля, обочь крутостенного провала, ведущего в пещеру со странным названием "Белая лошадь".

Мы поднимаемся над лагерем, над котловиной плато, и за нашими спинами открывается долина речки Богорупшты, спадающая к Гельгелуку.

А там синеватой стеной высится хребет за Сандрипшем, что совсем скоро принесет свои воды в море.

Море! Разве мы были когда-нибудь на твоём берегу?

Нависнет свод над касками
Причудливыми масками,
И обернется сказкою
Свет наших фонарей!

Мы выйдем – и сквозь облака
Над морем полыхнет закат!
Арабика, Арабика
Нас встретит на заре...

* * *

Когда читаешь о французских достижениях в сифонах пропастей Европы, как-то забывается, что на Арабике, в системе имени Илюхина, вот здесь – у нас под ногами, советские спелеоподводники совершили не меньшее.

А если учесть скудость нашего, преимущественно самодельного, снаряжения, то эти успехи покажутся еще выше, потому что за неимением современного оборудования нашим парням приходилось опираться, прежде всего, на твердость духа и высокий профессионализм в подземной работе.

Я оглядываюсь на окружающие долинку скалистые гребни.

Из той, замахнувшейся на донные сифоны, штурмовой четверки 1986-го года, сегодня в составе нашей экспедиции только Миша Дякин и Володя Киселев.

Два года назад, совсем как мы сейчас, стояли они у заснеженного входа в Перовскую, и эти скалы смотрели на них из-под небес.

Если не считать попытки красноярцев в Киевской, Перовская стала первой советской пропастью, в которой были пройдены сифоны, расположенные на такой глубине. В результате этой атаки два года назад Перовская выросла до -1220 метров.

В прошлом, 1987-м, году Володе Киселеву удалось пронырнуть Третий сифон за вертикальным участком. Но значительного продолжения не было. Путь вперед закрывал очередной, Четвертый сифон.

Глубина системы стала -1240 метров.

И вот через год после этого события нам предстоит ликвидировать следы той прошлогодней экспедиции. Множество оставленного в пещере снаряжения говорит о том, что сил на его выемку просто не осталось. Экспедиция взяла их все, без остатка.

Естественно, работа подземных мусорщиков – это не главная забота.

Мы продолжаем изучать особенности SRT, на этот раз в польском исполнении.

Сохраняя все основные черты общеевропейской школы, польская "сингл роуп техник" имела ряд небольших, но интересных особенностей.

Например, на больших отвесах поляки подвязывали на стопу дополнительный зажим, что сообщало дополнительное удобство способу "Дэд".

С другой стороны, в отличие от болгар, поляки практически не пользовались удобными тросовыми удлинителями и петлями для навески веревки: рассчитывая только на классическую крючьевую технику.

И это казалось мне большим недостатком.

Хотя если пользоваться перфоратором, то и тросовые петли не нужны – фrrrrr! – и крюк на месте.

Нет проблем!

* * *

Москвичи нас предупредили: ниже лагеря на -600 становится очень мокро. Вода, вода и вода. И главное "чудо" ожидающее нас на пути к "сухому дну" – это Мормитовая галерея.

И вот мы ниже -600. В ярком свете карбидок спешим вперед. Пещера меандрирует, вода пропилила себе ход по системе зигзагообразных трещин. Ручей рушится вниз каскадами, но каждый раз удается пройти над ним распорами к удобным местам для навески.

Обвеска воды сделана поляками тщательно и как-то по-европейски изящно. Чувствуется, что наши коллеги представляют собой цвет польского кейвинга.

Здесь такие "тигры" как симпатичный и очень опытный Рафал Кардаш, ласково прозванный товарищами Медвежонком, доброжелательный и не по-польски щедрый Збигнев Рисеcki, руководитель многих экспедиций в знаменитую австрийскую восходящую пропасть Лампрехтзофен Анджей Чишевски.

* * *

Лампрехтзофен – уникальная пропасть в Австрийских Альпах.

По данным 1992 года ее денивеляция -1550 метров.

Казалось бы, ничего необычного, кроме глубины, что неожиданно перевалила за полтора километра, поставив Лампрехтзофен на второе место в Мире после Жан-Бернар.

Но все дело в том, что Лампрехтзофен – это пещера-источник, а не понор, как все остальные ее собратья по глубине.

Исследования пещеры проводились не вниз, как обычно, а вверх – методами подземных восхождений, от расположенного в самом низу входа.

В этой необычной для кейвинга игре, ведущее место принадлежало польским спелеологам. Польские Татры не очень обильны большими пещерами. Поэтому, пройдя все, что можно, вниз, поляки принялись за освоение техники подземных восхождений.

Казалось бы, что тут разрабатывать? Ежегодно тысячи альпинистов восходят на сотни вершин и скальных стен во всех уголках планеты.

Но под землей все выглядит существенно иначе.

Главное отличие – ограниченность в выборе пути. Линия восхождения определена и ограничена самой пропастью, и вам не приходится выбирать маршрут, а обойти сложный участок, чаще всего, не представляется возможным.

Вперед и вверх!

Но есть и другие отличия подземных восхождений, ставящие их в ряд с самыми рискованными занятиями повышенной сложности.

Стены пещеры имеют достаточно трещин, но многие трещины заполнены натеками кальцита: что ограничивает применение быстрых в забивании скальных крючьев.

Постоянная темнота и влажность тоже не добавляют оптимизма восходителям. Изгибы и нависания колодцев не позволяют увидеть предстоящий путь и хоть приблизительно оценить предстоящие трудности и степень опасности.

Так что к Лампрехтзофен польские "гротолозы" подошли с некоторым опытом и продолжали его совершенствовать в ней.

В течение многих экспедиций спелеовосходителям удалось подняться на высоту более 1000 метров. И только позже произошло соединение пройденной снизу части с одним из вышерасположенных входов.

В результате чего Лампрехтзофен перешагнула полуторакилометровый рубеж и заняла первое место в мире в разряде подземных травесов.

Подземный траверс, это мечта любого кейвера. Можно начать спуск под землю высоко в горах и выйти на свет у их подножия.

– Выходишь из пещеры и в бар! – смеялся Чишевски. – Представляешь? Мечта каждого спелеолога!

* * *

Нам такого удовольствия не испытать – уходить придется вверх, вынося за собой многострадальное снаряжение (*263)

Наша четверка почти беззвучно идет по пещере – только лязг металла, шипение горелок карбидных ламп, короткие команды-сообщения:

– Свободно!

– Понял.

Шум ручья, что все крепнет и крепнет где-то в щелях разломов под ногами, еще не перекрывает все и вся.

Снизу слышны голоса. Это возвращается с "сухого дна" группа Збышека. Встречаемся в узком меандре над входом в очередной колодец. Обмениваемся короткими фразами:

– О! – Збышек показывает большой палец. – Внизу все отлично. Там только один водопад! Около дна. Больше воды нет.

Нет воды? А как же московские предупреждения?

Только сейчас обращаю внимание, что Збышек весьма легко одет: под клеенчатым брызговиком байковая ковбойка, ни свитера какого, ничего.

– Не холодно?

– Стоять холодно. Мы не стоим, мы работаем. Не холодно!

Ну, да. Если ничего не ломается, ничего не гаснет в неурочный момент, если никто не зависает на простейшем узле, тормозя всю группу, если никого не ожидать, подстраховывая на уступах, если не делать всего того, что мы привыкли вытворять на подземных маршрутах, верно – стоять не придется.

Снова катимся вниз. И с каждым шагом пропасть все больше очаровывает меня. Какая все-таки красота!

Некоторые водопады обходятся с помощью троллеев – наклонно натянутых веревок или стального троса, вдоль которых удастся скользить в нескольких метрах от бьющей во мрак водяной струи, с каждым метром глубины набирающей силу.

Ручей принимает несколько притоков. Теперь это не тот ласковый котенок, несильно мурлыкавший на каскадиках. Гул воды наполняет пещеру.

Прямая, как стрела, галерея через сотню метров круто сворачивает под прямым углом вправо, и мы знакомимся с прелестями Мормитовой галереи.

Стены расширяются, пол – сплошные сливы и водобойные котлы. Начинаются участки распорного лазания, траверсы по стенам над бушующими пеной каскадами.

Где можем, навешиваем перила, подстраховываем друг друга.

За три часа непрерывного лазания спускаемся всего на 200 метров.

Уф!

После Мормитки пещера снова стремительно рушится вниз.
Отметка – 800. Развилка. Ледяной ветер выбивает озноб.
Справа из примыкающей галереи впадает новый приток.

Прямо – овальное окно, ведущее куда-то вниз: оттуда доносится гул падающей воды.

Здесь, на развилке, желтеют побитыми боками баллоны от аквалангов, которые нам предстоит поднимать наверх. Но это после – до конца пути еще полторы сотни метров по вертикали.

* * *

Какое это зрелище – подземные водопады!

Особенно, когда представишь, как могло бы тебя полоскать в этом устрашающем великолепии!

Но – SRT, а в ней мы уже не новички – надежно предохраняет нас от этого "удовольствия".

У меня за плечами пройденные по одинарной веревке Снежная и дважды Киевская. И результаты налицо. Я наслаждаюсь техникой, пещерой, зрелищем водопадов на колодцах – еще недавно столь грозных стражей пещеры.

Вот серебряной грохочущей колонной в вихре водяной пыли падает в бездну двадцатиметровая струя воды...

И ты, такой маленький, совсем крохотный человечек, ты почти затерялся в этом неистовстве природы.

Ты затаил дыхание, ты восторженными глазами, всем своим естеством впитываешь картины яростного буйства стихии.

Крюк, перестежка на другую веревку, траверс по наклонной полке над бездной, крюк, перестежка, спуск. Скрип веревки в решетке.

Где-то тут должен быть троллей, иначе точно влетаешь под водопад. Не очень-то хочется окунуться в его ревущую пелену!

Вниз смотреть иногда все же неуютно – мрак и грохот.

Вот он – трос! Встегиваюсь в него карабином короткого уса и плыву от водопада.

Троллей из стального троса. Пара-другая таких спусков, и меняй карабин. Трос пилит титан и дюралюминий лучше напильника. Зная об этом, мы взяли стальные троллейные карабины, а вот поляки, у которых, как и во всей Европе, сталь не в почете, маются.

...Один за другим спускаемся на глыбовый навал.

Гора из мокрых глыб.

Справа сплошной стеной рушится водопад.

Где же проход? Телефонного провода не видно, вообще ничего не видно!

Самое неприятное, самое мучительное для кейвера – очки.

Водяная пыль в мгновение покрывает их непроницаемой для зрения пленкой.

Нам с Косиновым приходится туго из-за наших очков. Хоть глаз выколи!

Ползаем по завалу, как слепые муравьи, суемся во все щели – нет хода!

Идти в водопад? Я могу идти в водопад только на ощупь – я ничего не вижу из-за проклятых очков. Где Бессергенов? Вот он!

Орем в голос, но все равно не слышим друг друга. Сверху рушится столб воды, перекрывая ползала. Збышек что-то говорил о водопаде...

Надо пройти под струей!

Карбидки залиты водой. Свет электрофонариков до бешенства слаб.

Подстраховывая друг друга, спускаемся с Бессергеновым по глыбам вдоль стены. Водяная пыль оседает на наших костюмах, касках, лицах, течет за воротник, но в сплошных брызгах мы все ближе подбираемся к водяному месиву подножия водопада.

– Веревка! – по черному отверстию рта догадываюсь о смысле того, что кричит Юра, показываю ему вперед и вниз. Он кивает и скрывается в водяной пелене.

Стою в этом ливне, жду. Подходит вторая двойка. Косинов тоже очкарик. Его подстраховывает Плотников.

Юра возвращается, маячит – есть проход!

Как слепой щенок, на ощупь пробираюсь среди глыб, придавленный тяжестью падающей на плечи воды.

А ведь струя не такая мощная, как кажется издалека!

У страха глаза велики! Теряя плотность, вода распыляется в вихрь.

И вдруг – тишина. Щелкаю пьезозажигалкой. Карбидка взрывается столбом пламени. Да будет свет!

И уже не верится, что только что был этот водяной ад...

Еще несколько метров, и мы на месте старой базы "-900". Это здесь когда-то бедовала группа, оставшаяся без лагеря, смытого паводком в сифон.

Всюду вода. Где же тут ставили палатку? У поляков вот гамаки, с ними в этом плане проще.

* * *

Сифон. Мы на "сухом дне".

Прихожу сюда первым, "обманув" Бессергенева. У самого дна Юра сделал рывок, обогнал всех и устроился в конце галереи над озером, поджидая нас в позе победителя.

Дно? Как бы не так. Надо внимательней читать описания! Как это у Жванецкого: "Тщательнее надо, товарищи!"

Это только полусифон. Прохожу под озадаченным Юрой и в экстремальном распоре, почти лежа над водой, проползаю поверху низкую арку над глубоким местом. Затем вброд.

За полусифоном галерея продолжается. Вода сбегает в слегка наклонный грот с зеленым озером на дне. Туда уходит веревка – перила, ходовой конец подводников.

Вот теперь действительно все. Дальше нам хода нет.

* * *

В 1986 году в спор за мировую корону решительно вмешиваются болгарские спелеологи. Плевенский клуб "Студенец" отправляется в Испанию, чтобы попытать счастья в сифонах Ламинако Атеак (она же ВУ-56, она же трам-тарарам Ильямина).

После Фрэда Вержье, прошедшего шесть лет назад три донных сифона и остановившегося перед четвертым, никто не осмеливался хотя бы повторить это достижение. Но болгары были настроены решительно. Не смутило их и то, что из 12 работавших в ВУ-56 экспедиций только трем удалось достичь ее дна. Всего 14 человек в мире видело воду донного сифона этой пропасти на отметке -1325 метров.

Во время нашей встречи на Врацанской Школе безопасности руководитель болгарской экспедиции Сенко Газдов коротко определил эту пропасть так:

– ВУ-56 сочетает грандиозность Пьер-сен-Мартен и красоту Гуффер Верже!

Так или иначе, болгары атаковали.

И добились замечательного успеха! После установки двух промежуточных лагерей на -500 и -800 метров дна пропасти достигли 17 спелеологов.

Двойка подводников Илко Гунев и Милен Димитров успешно преодолела три сифона (40, 60 и 100 метров) по пути Вержье.

Дальше простиралась неизвестность. Но к ней и стремились болгары.

Илко ушел в четвертый сифон. Милен остался на страховке.

Четвертый сифон длиной 40 и глубиной 15 метров казался непроходимым. И все же продолжение было найдено. Отверстие в борту 4-го сифона выводило в другой затопленный водой ход, как потом оказалось, в основное течение подземной реки. После 40 метров плавания в сифоне Илко вышел в сухую галерею и остановился перед колодцем глубиной около 15 метров, куда спуститься без снаряжения не смог.

Это начинало входить в "привычку" – еще одна пропасть крупнейшего калибра решила предъявить миру вертикальное продолжение за четвертым (четвертым!) донным сифоном.

Результатом этой впечатляющей болгарской атаки явилось то, что БУ-56 решительно потеснила ПСМ с третьего места и, достигнув глубины –1353 метра, теперь жарко дышала в затылок Снежной – какие-то 17 метров отделяло испанку от титула вице-леди Мира!

Но болгары не успокоились на достигнутом.

В следующем 1987 году окрыленные успехом плененцы решают продолжить штурм Ильямины. Оставшийся не пройденным колодец за четырьмя сифонами притягивал болгар сильнейшим магнитом неизвестных перспектив. Плененцы стремились развить прохождение, тем более, что другая испанская пропасть – Сима дел Траве, снова оттеснила БУ-56 с почетного третьего места в мировой табели о рангах.

Как видим, в верхнем эшелоне шла настоящая толкотня!

И вот в сентябре болгарская пресса взрывается ликующими сообщениями:

"Замечательный успех болгарских спелеологов. Мадрид.

*Большого успеха достигли болгарские спелеологи в эти дни в западных Пиренеях. Со дна Сима де лас Пуэртас де Ильямина, одной из труднейших пещер мира, с новым рекордом поднялись болгарские легководолазы Илко Гунев, Милен Димитров и Валентин Чапанов. С помощью шести вспомогательных групп, проработавших в пропасти по 300 часов каждая, подводники достигли рекордной глубины –1408 метров! После преодоления пятого и шестого сифонов, наши спелеологи "передвинули" пропасть БУ-56 с четвертого на второе место в мире" (*264).*

За пройденными ранее сифонами и 15-метровым колодцем последовали два новых сифона: 20 и 25 метров, которые вывели в сухую галерею. Группа картировала 600 метров этой галереи, по которой в паводки течет река и... снова сифон.

Не все шло гладко в этой выдающейся экспедиции.

4 сентября во время транспортировки груза один из участников, психолог Красимир Боянов, упал с высоты 4–5 метров, получил перелом кисти правой руки и травму виска.

Над экспедицией нависла угроза. Мог нарушиться четко спланированный ритм движения вспомогательных групп, снабжавших подземные лагеря всем необходимым.

И болгары решают проводить спасательную акцию, не нарушая графика экспедиции. Несмотря на сильную боль, пострадавший находит в себе мужество в течение 28 часов дожидаться поднимающуюся со дна группу.

Слушая во Враце спокойно и даже суховато повествующего о перипетиях экспедиции Сенко Газдова, ловил себя на мысли: велик должен быть запас прочности команды, ее заряженности на достижение цели, чтобы авария не выбила ее из колеи!

Тем более, что беда никогда не приходит одна.

При транспортировке пострадавшего Красимира, кто делал все, чтобы облегчить подъем, получает травму один из спасателей. Николай Цанков не успевает увернуться от солидного камня: скользом задето бедро – сильный ушиб с внутренним кровоизлиянием.

А если бы не скользом? Но Николай участвует в спасательных работах до конца, и все заканчивается благополучно.

Болгары торжествовали победу. И не знали, что Ильямина так и не стала второй по глубине.

Ни единого дня ей не пришлось носить Серебряный плащ вице-королевы.

Потому что в это же самое время, чуть опережая конкурентов, другая, мало кому пока известная пропасть стремительно ворвалась в лидирующий отрыв.

* * *

– Где Плотников? – ору я, перекрикивая водопад.

Юра топорщит усы, сплевывает – не понять, сердится или смеется:

– У него стриптиз!

– Чего?!

Мы только что выбрались к слиянию притоков у круглого окна в стене на отметке –800. Отсюда нам тащить баллоны.

Дым сигарет тут же сносит током ледяного воздуха. Надо куда-то прятаться, не то задубеем мгновенно.

– Жарко ему стало, – улыбается Бессергенов. – Решил снять гидрокостюм. У него же еще комбинезон непромокаемый!

Чтобы кто-то раздевался на таком маршруте? Такого я еще не слышал.

Вот подождется мечтали многие. Но Плотников прав – лучше прослыть оригиналом, чем получить тепловой удар. Жарко на подъеме в такой гидрозашите.

– Это он по опыту Ручейной запаковался, – вспоминаю я недавние спасработы на Алеке. – Виктор в Ручейной не был, спрашивает меня: "Там очень мокро?" Нормально, говорю, если голову в плечи вжать, то можно без обтюратора (*265) спуститься. Он так и сделал: гидрокостюм одел, а капюшон не стал. Вот только на отвесе отвлекся и забыл, что я ему голову вжать советовал. Ну и влетел под струю. До самых пяток, говорит, прошибло! Холодненькая!

Юра поеживается. Нам перегрев явно не грозит. Только еще пар валил на отвесе, а уже озноб до дрожи продирает.

Правильно говорил Збышек: главное – не стоять.

Пока подходят ребята, подвязываем к трансрепам баллоны.

...Это не подъем, а крестный ход какой-то! Сплошной колокольный звон! Пустые стальные колбы баллонов бьются о камни с мелодичным, но оглушительным стоном. Мы, как коровы какие с колокольчиками.

Уходим с Мишей вперед. Вторая двойка где-то сзади.

В лагере на –600 встречаем ленинградскую группу из команды Сережи Илюхина, которая свалилась в базу вопреки всяким графикам. А своей базы ленинградцы не имеют. Что-то не улыбается мне тесниться на ночлеге из-за чьих-то глупостей...

Поляки уже ушли наверх.

Наконец к лагерю поднимается вторая двойка. Плотников покатывается со смеху:

– Ну, мужики, Бессергенов и нырнул! Помирать буду – не забуду!

– Вам смех, – отбивается Юра. – А я...

Бессергенов вышел на этот каскад как-то непонятно, другим путем. Не так, как спускались. На подъеме нам часто приходилось выбирать путь по наитию. Бывало, что в ожидании очередной навески, вдруг оказывались у веревки сверху – незаметно для себя обходили отвес лазанием по каким-то щелям.

Каскад рычал водопадом, вода била в пенистый водобойный котел неизвестной глубины.

Юра начал лазание неудачно: руки по одной стене, ноги по другой.

Перекинувшись мостиком над кипящей водой, Бессергенов приблизился к уступу, надеясь найти варианты для дальнейшего подъема. Однако последующее движение не вытанцовывалось.

Долго в таком распоре не простоишь. Руки начинали мелко дрожать от напряжения. Юра посмотрел вниз. От ног до воды было каких-нибудь полметра, пустяк. Но бешено кипящая в котле вода не предвещала ничего хорошего. В такие омуты можно запросто нырнуть с головой! А обтюратора Бессергенов не надевал – чего бы ради, если на голову не льет?

Вот и получалось – нырнешь, и зальешься водой до самых пяток!

Приходилось ли Вам, уважаемый Читатель, испытать, прочувствовать леденящий миг, за которым – неизбежный срыв и падение?

Вспоминая такие мгновения, неизменно ощущаю рефлекторное покалывание в кончиках пальцев.

"Рожденный ползать – летать не должен!" – говорят в кейвинге (*266).

Но если пришла пора лететь, надо постараться сделать это наиболее удачным образом.

Прошло немного времени, и Юра понял, что "созрел". Он напряжился, сосредоточился, посмотрел на подошедшего снизу Плотникова, который, ничем не в состоянии помочь, с интересом наблюдал за Юриными эволюциями над котлом.

Перекрывая шум воды, Бессергенов сообщил:

– Падаю!

Плотников не расслышал, но покивал одобрительно – мол, давай, лезь, я смотрю!

И Бессергенов "пошел".

Юра постарался прыгнуть в котел ногами, чтобы иметь шанс не уйти глубоко в воду.

Он прыгнул и... еле устоял на ногах – от неожиданной встречи со дном!

Котел оказался мелким. Вспененная вода едва покрывала сапоги.

Плотников уверял, что более ошарашенной физиономии не видел у Бессергенова со дня знакомства.

Все хорошо, что хорошо кончается!

* * *

Гремя баллонами, ввинчиваемся в спираль подъема.

На земле разгар дня, солнце топит снежники, и воды в пропасти заметно прибавилось. Там, где нечем было заправить карбидку, теперь получаем хорошие порции водяных брызг.

Колодцы выстраиваются в сплошную цепочку – идеальные условия для SRT.

Эти отвесы вызывают уважение грандиозностью скальной архитектуры. Хорошо ходить с приличным светом!

На очередном 66-метровом колодце веревка прихотливо идет от стены к стене, минуя трение. Последние несколько метров – крутой траверс на высоте 30-ти этажей вдоль отслоившихся от стены светло-желтых глыб.

Поднимаясь первым, смотрю влево-вниз и вижу, как Миша преодолевает промежуточное закрепление на пару крюков ниже.

– Как дела?

– Нормально!

Значит, можно идти дальше. Главное – не скапливаться в устьях колодцев, не тормозить ритм движения. По короткому меандру с ручьем выхожу к подножию самого большого в Перовской 107-метровому колодцу. Здесь Рафал за какие-то час-полтора при помощи перфоратора забил 8 промежуточных крючьев.

Вот они – преимущества современного оборудования!

Теперь – спасибо ему – идешь практически в стороне от воды.

Сзади никого не слышно. Ну, да где тут отставать?

Постояв на дне, чтобы не мерзнуть, потихоньку начинаю подниматься, поглядывая вниз – не появится ли Миша. Стена этого грандиозного отвеса ровная, отвесная, идти – одно удовольствие.

Крюк. Перестегиваюсь выше. Косинова все нет.

Поднимаюсь. Мало ли, почему задержался...

Этот колодец, хоть и самый большой, весьма прост для движения.

Решаю подняться на самый верх. Там, на отметке –300, расположен пункт питания – есть горючее и продукты.

Сварганю чайку к приходу ребят.

В облаках собственного пара выбираюсь на площадку. Ура!

Вода со звоном бьет в котелок. Набираю воды, зажигаю гексу.

Но почему нет Косинова? И где остальные?

Только через полтора часа внизу под колодцем раздаются голоса. Идут все трое, так что порядок.

Интересно, почему такая задержка?

– Миша!

Тишина. Хотя слышно, как позвякивает в колодце баллон. Стало быть поднимается.

– Миша, идешь?

– Иду-у! – раздается как-то слишком близко.

Но... мать честная! Что это там поблескивает на отвесе?

Выхожу над краем на всю длину самостраховки, поддаю газу карбидке.

Так и есть, Косинов поднимается. Но... поднимается без света!

Камень достал Косинова на К-66 чуть выше того места, где я видел его в последний раз. Откуда взялся этот камень? Мало ли их летает по подземным колодцам...

Камень ударил по каске, перебив крепление запасного электрофонаря.

Фонарь тихо канул в бездну вслед за камнем, забыв сообщить об этом Мише.

– Камень! – крикнул вниз Косинов, но парни и сами, услышав характерный стук, прилипли к стенам, побереглись.

На следующем крюке у Косинова неожиданно погас свет, и он остался в полной темноте.

"Наверно, капля попала в форсунку", – подумал Миша и чиркнул зажигалкой.

Вернее, собрался чиркнуть, так как зажигалка не сработала. Камень не только лишил Косинова электрофонаря, но и заклинил над пламенем горелки пьезозажигалку, которая не преминула натурально сгореть.

Бессергенов уже поднимался, поджимал снизу, и Миша решил не беспокоить ребят: подняться до конца веревки вслепую, а там подождать.

Так он и сделал. Спасибо SRT – перестежки на крючьях вслепую дались легко. Но вот наверху колодца веревка кончилась. Где-то рядом грозно шумел во мраке невидимый ручей, и дальше Миша благоразумно идти не решился. Решил подождать Юру.

А Бессергенов к нему подняться не мог – держал на траверсе глыбу.

Глыба пошатнулась неожиданно – этаким прямоугольный "чемодан" в добрый центнер весом.

Внизу звенел баллонами Плотников, и падать плите было нельзя. Юра держал глыбу, пока Плотников не поднялся до последнего перед траверсом крюка. Теперь достать было не должно, и Юра, примерившись, отпустил...

Грохота не последовало. Ничего не последовало.

Глыба покачнулась и осталась на месте – на узенькой полочке над вертикалью колодца.

Настоящая ловушка! Бессергенов попробовал столкнуть глыбу, но она стояла крепко.

Черт бы ее побрал! Ну, и стояла бы себе, чего качаться?

Все хорошо, что хорошо кончается.

* * *

Последний каскад. Колодец 53 метра доставляет нам самые нудные ощущения из-за отсутствия тактической разбивки отвеса на более короткие участки.

Почти 40 метров приходится подниматься в пустоте в отдалении от стены.

Жарко. Поднимаюсь, смотрю вверх вдоль уходящей в вечную ночь веревки. Оттуда, отрываясь от слабо освещенного карбидкой карниза высоко вверх, летят редкие тяжелые капли. Они падают точно вдоль веревки, и мне приходится движениями головы уворачиваться от этих мини-бомб – иначе опять забьет форсунку.

От ритмичных движений долгого подъема с запрокинутой головой пространство смещается. Начинает казаться, что веревка идет вверх наклонно, и я поднимаюсь по ней в пустоте под углом 45 градусов к вертикали.

Какое-то космическое ощущение.

* * *

...Выхожу на поверхность в дождливый закат.

Снег на входе совершенно сдал, почернел. От влажного дыхания пропасти постепенно вытаивают истинные размеры ее входа.

Осторожно пробираюсь по тропе между каррами. Тропа мечена турами, иначе в облаках можно заблудиться в этом каменном хаосе.

С высоты ригеля лагерь открывается уютной горсткой палаток на уже совершенно зеленом бугре.

Меня заметили. Из палатки выбирается крохотный комочек в полиэтиленовой накидке и бежит мне навстречу.

Алешка, сыночек! Мы не виделись три дня, промелькнувшие для нас в непрерывном азарте работы.

А как жили тут вы, на Земле?

* * *

Вы помните? Мы были не как все.

Ходили в шортах или просто в плавках,

Скользя глазами где-то над прилавком,

Вино предпочитая колбасе,

А колбасу – всем радостям на свете!

А помните? Мы жили, как трава:

Росли сквозь снег и радовались солнцу,

Смакуя те мгновения до донца,

И говорили мудрые слова,

Того не замечая и не зная.

Ну, помните Арабику, друзья?

В воронках снег, а в рюкзаках – Удача!

И все дается просто, не иначе,

Как будто бы иначе и нельзя!

Как будто бы не может быть иначе...

А может быть! Ты помнишь вертолет,

Как вестник горя, небо разорвавший?

И парень тот, на Бзыби замерзавший,

Он тоже верил в свой счастливый взлет!

Все может быть. А может и не быть...

А мы... Мы были все – простые, как нуль!

Прошли мы горы, выйдя из пещеры,

Крещение испытав и отлученье,

И было море, и стоял июль.

Вы помните?

Вы помните, ребята? (*267)

Вертолет прошел над вершинами в стороне Треугольника, и мы проводили его взглядами.

Вертолет летел в направлении Бзыби, хорошо видимой в седловине перевала у пика Арабика: Бзыбь – темная стена над Бзыбским ущельем. Там который год, сменяя друг друга, работают экспедиции в пропасти имени Вячеслава Пантюхина.

Вертолет – это либо заброска еще одной экспедиции, либо...

Пантюхинская, начавшись длинным входным меандром, за которым следовал внушительный каскад колодцев с небольшими меандрами между ними, на глубине около -640 метров уперлась в сифон.

Три года пермско-крымским экспедициям не удавалось продвинуться глубже, хотя, казалось, были обследованы все возможные ходы, колодчики и окна в прилегающей ко дну зоне пещеры.

И вдруг, в 1985 году этот сифон на "старом дне" был неожиданно пройден.

Всегда найдется кто-то, ставящий под вопрос мнение авторитетов.

Сифон? Непроходимый? Кто сказал, что непроходимый?

А ну-ка, посмотрим!

Не знаю, кому первому пришла мысль лечь в глинистую лужу сифона и пошарить ногами в узкой щели в ее конце. Но первым прошел сифон Игорь Вольский из Севастополя.

*"Посередине палатки, где мы сидели, трепетал огонек светильника, и временами в его хрупком, как человеческая жизнь, пламени мозаичными фрагментами, выхваченными из глубин подсознания, передо мною возникали картины наших прошлых экспедиций (*268).*

Вот как будто наяву вижу, как в 85-м году с двумя товарищами спускаюсь по последнему колодцу перед галереей на -600 метрах.

Вот мы на дне, на дне 85-го года, даже в самых дерзновенных своих мечтах не предполагая тогда, что вскоре оно опустится почти на километр. Распираясь о стены, медленно идем по галерее. Вода ушла куда-то по трещинам вниз. Сухо, в гидрокостюмах становится жарко, и от наших мокрых комбинезонов валит густой пар. После оглушающего рева водопадов на колодцах, пронизывающего холода все вокруг странно и необычно. Плавные формы рельефа, темно-коричневое глиняное одноцветье породы, глухая ватная тишина быстро меняют наше представление об окружающем, и, кажется, мы уже не идем, а медленно плывем в каком-то вязком тумане, а вокруг нас колыхаются, тают, появляются снова в другом облики туманными видениями тени. Однако постоянное движение, струйки пота, бегущие по лицу, возвращают к реальности, появляется спортивный азарт. Что же дальше? Ведь раньше я сюда не доходил. Знаю лишь, что за месяц до нас здесь работала крупная украинская экспедиция, так и не сумевшая пройти глубже.

Под ногами начинает появляться вода. Вот ход расширяется и заканчивается небольшой камерой. Под стенкой лужа, в нее втекает тоненькая – с мизинец толщиной – струйка воды. Ага! Значит, она должна и вытекать где-то там, за стенкой. Ну-ка, попробуем! Сажусь в эту лужу, которая мгновенно мутнеет, так как чистой воды в ней тонкий слой на поверхности – ниже мягкая глина. Толкаю ноги под стенку, получается засунуть только до колен. Ничего страшного. Попробую ими прокопать для себя канаву в этом месиве. Понемногу выходит. Свод, под который я пытаюсь проникнуть, примерно на полметра ниже уровня. Наконец, где-то через четверть часа подобной возни я уже почти весь залез ногами вперед под свод. Жижка подступила к лицу, набрал воздуха, закрыл рот и снова вперед, вперед – и вот, когда уже стало заливать глаза, нащупываю носками ног ступеньку, уходящую вверх.

Неужели? Сифон проходим?!

Почувствовав удачу, начинаю двигаться энергичнее. Правда, вместе с тем ощущаю обжигающий холод поступающей сквозь неплотный и местами поврежденный гидрокостюм жидкой глины, окружающей меня. Вот решающий рывок – и я отфыркиваюсь на той стороне, волоча за собою каску, сорвавшуюся с головы в сифоне. Почистив пальцами, а затем языком стекла налобного фонаря и очков, встаю в полный рост и иду по галерее, напоминающей ту же, что и до сифона.

Три сезона мощные экспедиции останавливались, так и не дойдя до этого места. А мне повезло. Я здесь, в новой части пещеры! И теперь, когда сифон позади, кажется, что все прошло так легко и естественно, что даже не верится, что здесь до меня никого никогда не было. Впрочем, видимо, никто просто не отважился залезть в такую грязь по уши.

Увлечшись исследованием, метров через 150 подхожу к узости, пройти которую с ходу не удастся и, наконец, вспоминаю, что в одиночку в пещерах ходить не

рекомендуется, да к тому же еще и забравшись черт знает куда! Почти бегом возвращаюсь назад, продираюсь через сифон – и вот я среди товарищей. Замерзшие Дмитрий Конин из Перми и Дмитрий Стаценко из Симферополя начали уже волноваться. Радостная встреча, мой сбивчивый рассказ об увиденном.

Мы возбуждены, но настроение деловое. Решаем возвратиться немного назад в сухую часть пещеры и перекусить. Из-за огромных энергетических потерь под землей никогда не следует упускать такую возможность. За этим приятным занятием выяснилось, что ребята, азартно проверяя все щели в галерее пока мы шли к сифону, сильно порвали гидрокостюмы. Однако из двух комплектов штанов и рубашек (наши сухие гидрокостюмы состоят из двух соединяемых деталей) можно собрать одну пару. Стало быть, мне идти с одним партнером. Проявив истинное благородство, это право уступил Дима из Перми, сам оставшись сидеть на корточках у стенки со свечкой, обернувшись полиэтиленовой пленкой, не ведая, сколько ему поджидать нас.

Вновь погружение в жижу, где я помогаю идущему вслед за мною Диме Стаценко, придерживая его с другой стороны сифона за ноги и ориентируя его тем самым в нужном, мне уже известном направлении. Операция проходит значительно легче, чем в первый раз, ибо в глине сифона после двукратного прохождения образовался желоб. Пробегаем по знакомому ходу и, поработав в остановившей меня ранее узости около часа молотком, – дальше в неведомое. Галерея продолжалась, плавно набирая глубину, то расширяясь, то сужаясь настолько, что порою ее холодные объятия сжимали грудную клетку.

Но наградой первооткрывателям после череды невзрачных глиняных стен было изумительное своим великолепием зрелище натечного убранства пещеры. Фантастические, совершенно немыслимых форм сталактиты, сталагмиты, геликтиты, другие, какие только существуют, виды натечных образований с переливами иссиня-белого, нежно-розового цвета, желтого, красного местами полностью перекрывали ход. Прозрачные, тончайшие двухметровые сосульки волшебной бахромой струились со свода, издавая при прикосновении к ним чуть слышный малиновый звон. Очарованные, мы как будто перенеслись в детскую сказку, где все видится сквозь ажурную вуаль хрустальных нитей с кое-где подвешенными жемчужинами – радужно переливающимися на свету капельками воды. Нигде на поверхности, даже в самых заветных уголках своего воображения, нигде вы не встретите подобного.

Пораженные неопишуемой красотой, чтобы не нарушить вечный покой этой хрупкой страны чудес, стараемся двигаться как можно аккуратней, но, увы, не всегда это удается, и тогда в тихом печальном звоне обломков слышится, будто сказочные гномы плачут тоненькими голосами, дергают за комбинезон, за шнур налобного фонаря, маленькими хрустальными молоточками отчаянно колотят по каске, скачут впереди бликами света наших тусклых фонарей, серебристой каплей роняют слезинки, сливающиеся в ручейки, то беззаботно щебечущие, то грустно вздыхающие: люди, кто звал вас сюда?

Удивительная акустика, вечная темнота, сковывающий холод усиливают и без того переполняющие нас впечатления...

...Оправдано ли вообще наше безудержное стремление постоянно открывать что-то новое в пещерах, да и не только в пещерах?

Всегда ли мы можем обратить себе во благо лавинообразно нарастающую совокупность знаний в науке и технике?

Ведь каждый наш шаг за границу познанного – это риск, чреватый порою непредсказуемыми последствиями.

Всегда ли мы задумываемся: а имеем ли моральное право сделать этот шаг? И всегда ли мы представляем, чем именно мы рискуем?"

* * *

Да, сифон оказался коротким – 2–3 метра, и был пройден без всяких аквалангов. Позднее удалось соорудить плотину выше по ручью и, отчерпав воду, открывать сифон для прохождения.

За сифоном пещера "пошла". Да еще как!

Серия длинных узких меандров, еще более мучительных, чем входной и украшенных дискретными отвесами, на глубине около -900 метров вываливалась в грандиозный каскад вертикальных колодцев, увенчанный громадным 200-метровым отвесом.

В 1986 году спелеологам Украины и Перми удалось спуститься в него и осмотреть глыбовый завал на его дне. Силы и снаряжение кончились, а пещера и не думала выполаживаться.

Тогда же был пройден километровый рубеж – в Пантюхинской, по предварительным оценкам, удалось достичь глубины 1025 метров (*269).

В том же 1986 году усилиями команды Климчука Арабика предъявила к расчету – 1110 метров в Куйбышевской.

На другом участке Гагринского хребта москвичи под предводительством Евгения Стародубова уже несколько лет искали проход в устьях пещеры, названной ими Московская. И вот группа Евгения Войдакова делает в Московской редкое первопрохождение, за одну экспедицию исследовав около 600 метров подземных вертикалей.

Московская со своими -972-мя метрами становится третьей глубочайшей пропастью Арабики и уравнивает счет по числу тысячников в соревновании между ней и Бзыбью.

Но основные события разворачивались в Пантюхинской.

Летом 1987-го года, окрыленные прошлым успехом, на Бзыбь, в урочище Абац, двинулись многочисленные экспедиции.

Преодолев в Испании 1400-метровый рубеж БУ-56, болгары торжествовали победу, еще не зная, что месяцем раньше этот результат превзошли советские спелеологи. В принципе, об этом мало кто знал.

Я уже рассказывал, что ранней осенью 87-го в Тбилиси проходил Первый Международный симпозиум спелеологов, собравший представителей свыше полутора десятков стран и почти всех членов Бюро Международного Спелеологического Союза во главе с президентом МСС мистером Дерексом Фордом.

Помню, как вдруг, в самый разгар симпозиума, по рядам прошелестела ошеломляющая весть – Пантюхинская вышла на второе место в мире по глубине!

И следом не менее ошарашивающий слух – следующая за крымчанами экспедиция под руководством пермяка Сергея Евдокимова обнаружила ошибку в измерениях: в Пантюхинской не то, что 1400, – 1300 едва ли наберется!

Запахло скандалом позначительнее истории с Киевской. Ведь разговор шел о приближении к мировой короне!

Не все так просто под луною.

Весть об успехе, слухи опровергающие успех, опровержение слухов...

В возне вокруг рекорда в Пантюхинской не обошлось без борьбы амбиций и приоритетов.

Как бы там ни было, но на Симпозиуме было официально объявлено: в пропасти имени Вячеслава Пантюхина достигнута глубина -1465 метров.

Более того – похоже, что пещера продолжается.

* * *

Следующий год дал новую цифру – усилиями комплексных экспедиций, в составе которых работали спелеологи многих городов Союза, на Кавказе появился новый полутораклометровый гигант.

Было официально объявлено, что Пантюхинская дала -1508 метров!

Как близко вдруг замаячила мировая корона! (*270)

Как приблизилась еще вчера недостижимая Жан-Бернар!

Теперь французские 1535 метров не казались чем-то несбыточным. Всего один колодец, всего каких-то 20 метров отделяло советский кейвинг от приоритета в подземных глубинах.

"Переместить" подземный Эверест на Кавказ – это ли не достойная задача?

Правда, Жан-Бернар тоже не стояла на месте. Но, как бы там ни было, Бзыбь преподнесла прекрасный подарок 30-летию советской и 100-летию мировой спелеологии!

Пропасть отгрызалась. Здесь мы столкнулись с неведомой доселе опасностью – подтоплением пещеры снизу.

В 1988 году с выхода в донные галереи не вернулась одна из исследовательских групп крымской экспедиции под руководством Евгения Очкина. Руководителем той экспедиции был первопроходец сифона на "старом дне" севастополец Игорь Вольский:

"Вернувшись после отдыха в Севастопольский ход, пройдя еще несколько уступов и ходов, мы где-то на уровне Развилки во всех ответвлениях наткнулись на узкие сифоны, которые и на этот раз мне не удалось преодолеть. И даже отснять на обратном пути Севастопольский ход мы не сумели, так как, постоянно таская с собой горный компас, где-то его повредили. Поэтому топосъемку хода я решаю поручить группе Евгения Очкина, которая в настоящее время снимала участок между 1025 м и ПБЛ 1300 и затем должна была посетить дно.

Собственно, на этом и заканчивалась основная работа на дне, и экспедиция приступила к выемке снаряжения. На четырнадцатые сутки штурма начала подъем в ПБЛ 800 группа Чабаненко. Вторая вспомогательная группа Анатолия Степанова отдыхала в ПБЛ 1300-2, побывав уже на дне. Группа Очкина ушла вниз, моя штурмовая группа готовилась к подъему и должна была освободить ПБЛ 1300-1 к приходу ребят со дна для их отдыха.

...Однако стихия спутала все наши планы. Через несколько часов после ухода группы Очкина на дно, когда моя группа только начала подъем, с поверхности по телефону сообщили, что началась гроза.

Сильно это сообщение нас не взволновало, поскольку дожди, в том числе и довольно сильные, были часты в период проведения нашей экспедиции, они приводили к некоторому увеличению воды на колодцах, почти не влияя на ее уровень на дне. Да и вниз вода доходила часов за 7-8, то есть за время, вполне достаточное для возвращения наших спелеологов со дна в лагерь. Поэтому план мы не меняли.

При подъеме штурмовой группы из ПБЛ 1300-1 отмечалось увеличение воды на колодцах, что нам не мешало, ибо воды здесь всегда много, и она была аккуратно обвешена. Однако тревога за группу на дне росла с каждым метром подъема, и, придя за 9 часов в лагерь 800, я сразу связался по стационарному телефону с ПБЛ 1300-2. Компактные переносные телефоны, которыми группы могли пользоваться во время движения, из-за снизившегося в паводок сопротивления изоляции линии и подсевшего питания на большом расстоянии связь уже не обеспечивали. Так вот, после звонка выяснилось, что наши товарищи со дна не вернулись. С момента их ухода прошло уже более 16 часов, то есть примерно в два раза больше, чем им требовалось.

Дело принимало серьезный оборот, и я как руководитель экспедиции обратился с просьбой к Степанову сходить вниз на поиск группы Евгения Очкина. Группе Чабаненко, ждавшей нас в лагере, пришлось освободить место для нас и перейти в ПБЛ 600, где они должны были находиться, пока не прояснится обстановка. Движение остальных участников в пещере также было приостановлено. Потянулись долгие часы ожидания. Несмотря на усталость, спать не хотелось.

Прошло еще примерно 12 часов, и, наконец, раздался телефонный звонок. Новость была столь ужасной, что в нее было трудно поверить. Группа Степанова нашла Галерею Григоряна почти полностью затопленной. Это означало, что вода в течение нескольких часов неожиданно поднялась примерно на 150 метров! При этом никакого поступления ее сверху разведчики не обнаружили.

Группа Очкина не найдена. Сообщалось также, что вода медленно спадает и что разведчики все время шли за нею, а сейчас вернулись ненадолго, чтобы известить нас о случившемся, обогреться и немного поесть.

Новость потрясла всех. В Галерее Григоряна крымские спелеологи работали второй сезон, и у всех сложилось мнение, будто она не затопляется, а закрывается только Крымский ход. Мы даже планировали разместить здесь наши лагеря и лишь по счастливой случайности избежали этого.

Одоблив действия группы Степанова, я лишь попросил его не находиться постоянно у зеркала воды, а подходить к ней ненадолго из безопасного места, отмечать уровень и сразу возвращаться, повторяя эту операцию многократно. Ибо не было никакой уверенности в том, что нас не ждут новые удары в этой пропасти, оказавшейся вдруг столь непонятной и враждебной к нам.

Терялось ощущение реальности, события вокруг рисовались каким-то кошмарным сном во время тяжелой болезни, но весь ужас нашего положения состоял в том, что все это происходило наяву, а наше сознание никак не могло с этим примириться. Физической болью отдавалось то, что до дна, куда пошли наши товарищи, сейчас можно было бы добраться разве что на подводной лодке! И участь их представлялась нам трагической.

Группа Степанова после небольшого отдыха опять пошла вниз.

А у нас снова потянулись томительные, бессонные часы ожидания, которые разнообразились только поступающими с поверхности неутешительными новостями о том, что все время идут дожди и что улучшения погоды не предвидится, да редкими ударами падающих на полиэтиленовый тент капель под аккомпанемент кажущегося сейчас зловещим журчания ручейка поблизости.

Глубоко потрясенные, мы молча предавались размышлениям о превратностях судьбы. Ее крутые повороты порою неожиданны, и многочисленные опасности, подстерегающие нас в пещерах, зачастую совершенно непредсказуемы.

Вот, например, экспедиция 87-го года. Одна из групп после тяжелой работы поднялась в подземный лагерь в нише на дне Большого колодца (-1100 м – п. мой, К.Б.С.). Усталые спелеологи разделись, поели и заснули крепким сном. Трудно даже понять, по какой сверхъестественной причине некоторое время спустя проснулся севастополец Константин Гавриленко и увидел сквозь тонкий капрон подземной палатки зарево огня снаружи. Ложась спать, ребята не потушили уже гаснущую свечу, от нее загорелся тонкий слой мусора и наплывов парафина на мокром, грязном полу. Огонь перекинулся далее на лежащую в метре кучу мусора, и языки пламени от нее стали лизать стоящую рядом полиэтиленовую канистру с двумя литрами бензина, вплотную к которой стояла еще одна с пятью литрами. Поверхность емкости уже загорелась, когда Костя кошачьим прыжком подлетел к ней и выбросил под водопад.

У нас существует расхожая шутка, обычно произносимая чересчур тепло одевающимися перед пещерой: "Я видел мороженных спелеологов, но жареных – никогда!". Оказывается, и это возможно, ибо лишь какие-то мгновения отделяли наших коллег от катастрофы в низкой, тесной, окруженной со всех сторон камнями нише. Кстати, после того случая мы отказались от использования бензина под землей. Гавриленко – один из опытейших наших спортсменов, у него сработало накапливаемое годами чувство опасности в пещере. А вот у наших пропавших друзей таковое, увы, еще не появилось.

...Прошло уже более 10 часов после повторного ухода разведчиков вниз, но сведений о них не поступало. Ожидание стало невыносимым, и, чтобы хоть как-то ускорить подготовку к уже почти неизбежным спасработам, я отдал команду вернуться к нам двум товарищам Дмитрию Нехамкину и Сергею Шарапову из Базы 600 и принести два контейнера с продуктами и снаряжением, запас которых на дне и у нас в Базе 800 иссякал.

Пропавшая группа отсутствовала уже более двух суток. Умом мы все понимали, что шансы выжить у них минимальны, но сердцем никак не могли с этим смириться и, невзирая на переутомление, вызванное длительной тяжелой работой под землей, полны были непреклонной решимости сделать все для их спасения. Велико было искушение сразу броситься нашей самой сильной штурмовой группой на дно, однако было очевидно, что сделать сейчас больше, чем группа Степанова, никто не может.

Да и следовало избегать риска пребывания лишних людей в опасной зоне, ибо никто не знал, насколько и как быстро может подняться уровень воды. Потрясение от происходящего было столь велико, что мы бы не удивились, если бы вода поднялась и до нашего лагеря!

Вынужден признаться, что осмысленные решения в такой ситуации даются с огромным трудом и требуют определенной выдержки.

Положение руководителя экспедиции всегда очень не простое.

Он должен уметь так скомбинировать часто различающиеся интересы участников, чтобы с возможно минимальными ограничениями свободы самовыражения каждого максимально эффективно решать общую задачу.

На нем также при любых чрезвычайных обстоятельствах лежит груз моральной, да и не только моральной ответственности.

И самое главное и самое сложное – он должен уметь в причудливом переплетении порою быстро меняющихся во времени обстоятельств, каждое из которых лишь с некоторой вероятностью воздействует на общий ход событий, принять оптимальное решение.

Здесь успех определяется большим пещерным опытом, уверенностью в себе и в товарищах, а также кое-чем таким, что никогда не сведет творческое мышление, умение предвидеть, быть удачливым, наконец, к каким-либо формальным законам.

Так или иначе, мы ждали результатов второй разведки, и, пока их не было, напряженно размышляли. Прорабатывались самые невероятные ситуации, в которых могли оказаться потерпевшие, а также действия экспедиции по их спасению.

Например, что делать, если они, плавая в поднимающейся воде, закрепятся как-нибудь на потолке и, будучи не в силах больше терпеть ее холод, так и останутся на 30–40-метровой высоте после завершения паводка? Как нам снимать их?

Но основные надежды возлагались на возможность отсидки группы Очкина в двух местах: в дальней части Галереи Григоряна у озера, где высота свода особенно велика, и в меньшей степени – в Крымском ходу, в его верхней точке у сифона Глюкало, поскольку уровень воды при максимальном подъеме был выше этого места.

Наконец, примерно через 13 часов после второго ухода группы поиска поступило сообщение, из которого следовало, что вода полностью освободила Галерею Григоряна и что нигде в ней пропавшие не обнаружены. Разведчики проникли уже в самое начало Крымского хода, и по их данным, основанным на скорости спада воды, ход должен был полностью освободиться часов через восемь. Сообщалось также, что здесь найден пикетажный журнал Евгения Очкина, состоявший из тонких алюминиевых пластин. Таким образом, обстановка прояснилась. Настала пора действовать.

Прежде всего, разведчикам, проработавшим уже более суток, была дана команда отдыхать. Моя же группа начала одеваться и готовится к спуску.

Затем, поскольку продукты питания, физические и моральные ресурсы были на исходе, наверх был продиктован текст сообщения в Крым о сложившейся ситуации с просьбой о помощи. Мы могли своими силами вести спасработы еще примерно двое суток, но чтобы, делая все возможное для поиска потерпевших, продолжать эти усилия непрерывно и по их истечении, помощь была бы уже необходима. Поскольку из-за выхода из строя в грозу радиостанции оперативно связаться с Крымом не удалось, нам пришлось послать из Базового лагеря на поверхности двух человек вниз в ближайший поселок Бзыбь. Они должны были дать от моего имени официальную телеграмму о вызове спасотряда, а также по телефону обрисовать сложившуюся у нас обстановку. Прибытие спасателей к пропасти ожидалось примерно через сутки, и до их спуска на дно я рассчитывал вести поиск силами штурмовой группы.

Утром 8 сентября, на 17 сутки работы в пропасти, наши курьеры под барабанную дробь дождя, освещаемые всполохами молний, скрылись в разрывах окутавших горные вершины облаков, и через несколько часов в Крыму знали о случившемся.

Здесь хочу уточнить, что, кроме как оттуда, быстро получить помощь мы не могли. Пропать им. В.С.Пантюхина слишком сложно, и для спасработ в ней нужны

специалисты высшей квалификации, которых, в общем-то, совсем не много, и быстро собрать из них отряд в то время можно было только в Крыму.

Меры для его укомплектования были приняты немедленно. На следующее утро первая четверка спасателей под руководством одного из наиболее опытных советских спелеологов Сергея Бучного, президента клуба "-2500", должна была прилететь на кавказское побережье в город Сочи и оттуда на заказанном к их прибытию вертолете – на Бзыбский хребет, прямо к пропасти. Вечером в Сочи должен был собраться основной отряд из 10–12 человек, также способных работать на большой глубине, под руководством Владимира Кузнецова, председателя федерации крымских спелеоклубов, президента спелеоклуба "Бездна". Почти все спасатели – спелеологи-любители, оторвавшись от своих дел, спешили прийти нам на помощь. Финансировать работы взялась государственная организация – Крымская контрольно-спасательная служба, а также самодеятельный клуб "Бездна".

Вечером 8 сентября решались также некоторые организационные и юридические проблемы. В частности, был решен вопрос о допустимости расчленения тел погибших, ибо иначе их невозможно протаскать сквозь многочисленные узости, если, впрочем, обстоятельства вообще позволяют поднимать их на поверхность. С патологоанатомами были проведены консультации о том, как это сделать не профессионалам и как правильно упаковать части тел для транспортировки. Увы, в нашем деле с подобными обстоятельствами приходится считаться.

События же в пещере в это время разворачивались следующим образом. Физически и морально истощенная группа Степанова, в которую также входили Дмитрий Ковалевский, Юрий Васецкий и Валерий Жогло, вернулась, наконец, на Базу 1300–2. Люди уже давно переступили рубеж, отделяющий действительность от ее фантастического восприятия. Галлюцинации начали посещать их еще в Галерее Григоряна. Когда же разведчики медленно брели за водой, отмечая ее уровень спичками, видения продолжались, проявляясь у каждого по-своему.

Для одного возникали образы то подымавшейся над поверхностью воды как бы подсвеченной изнутри ноги в резиновом сапоге с отчетливо видимым рифлением подошвы, то руки в резиновой перчатке, призывно машущей и влекущей к себе в черную бездну.

Другой ощущал непонятно как возникший, нестерпимо режущий запах роз. В любом случае, если из воды что-либо показывалось, кто-то из ребят обязательно бросался в нее и подплывал для проверки, но все это оказывалась просто плодами воспаленного воображения.

Но вот, предварительно позвонив мне, ребята разделись, поели и легли в палатку. Уже перед сном Валера приподнялся, чтобы задернуть ее полог и... замер на мгновение. Потом закрыл вход, осторожно, будто не желая кого-то спугнуть, пятясь задом, отполз обратно и чуть слышно прошептал: "Там Очкин! Но он какой-то странный, будто прозрачный!"

Затем с такими же предосторожностями из палатки выглянул Толя Степанов и увидел то же самое! Он окликнул приведение, и оно отозвалось нормальным человеческим голосом: "Ребята, у вас есть что-нибудь покушать?"

А из колодца напротив показалась еще одна голова с тускло светящимся фонариком.

Штурмовая группа в это время уже оделась и, готовая к спуску, поджидала транспортируемые сверху продукты. Вот-вот они должны подойти. Телефонный аппарат у нас барахлит, и мы используем как ретранслятор мощный телефон в ПБЛ-600, где постоянно слушают дно, что, впрочем, делают и на поверхности. Забыв о сне, мы все уже третьи сутки находимся в состоянии крайнего нервного напряжения. Пока моя группа ждет, я лежу в палатке с телефоном под ухом.

И вот – ударом по нему, от которого гулким эхом, казалось, задрожали стены вместе с невольно вырвавшимся криком У-Р-А-А-А! слышу едва различимый в полуисправном телефоне, но эмоционально не менее заряженный шепот:

"Они пришли, они пришли, они живы, все живы, с ними можно говорить, они живы, они настоящие, они нормальные, они живы, живы!!!"

Каждую минуту мы надеялись, верили, ждали этого сообщения, но положение наше становилось все безотраднее и тягостнее.

И вот, уже почти помешавшись от осознания свалившейся на нас беды, мы теперь сходим с ума от радости! Все происшедшее кажется каким-то нелогичным, неправдоподобным.

Да, стихия коварна, она дождалась нашей последней экспедиции, последней группы, ушедшей на дно. Она дождалась того, что мы позволили себе немного психологически расслабиться, решив, что раз работа на продолжение закончена, то все трудности уже позади, забыв, что даже просто прийти сюда – большое достижение.

В череде успехов в этой пропасти мы как-то позабыли, что почти все глубочайшие пещеры мира за свое изучение требовали человеческих жертв. Да, природа нуждается в равновесии во всем, и на веса наших судеб, козь на одну их сторону мы желаем положить какие-либо результаты, на другую лягут – и с этим приходится считаться – тяжелые гири наших бессонных ночей, пота, а может быть, и сами жизни!

Понимать-то мы это понимаем, но когда приходится платить сполна, все представляется в ином свете. Даже самый пытливый и изощренный человеческий ум буйной фантазией своей не способен предусмотреть все сюрпризы, заготовленные для нас природой. Став на какое-то время игрушкой в чьих-то руках, мы попали в невероятную ситуацию, но еще более невероятным оказалось наше избавление".

* * *

Можно представить состояние товарищей пропавших спелеологов, когда, следуя на розыски, они увидели сифон с верхней стороны еще недавно открытого прохода.

54 часа о судьбе отрезанной этим тихим паводком группы можно было только догадываться. Странно было то, что сверху по пещере не наблюдалось никакого увеличения расхода водотоков. Вода поднялась откуда-то снизу, беззвучно, в отличие от классических паводков, предупреждающих о своем приближении ревом железнодорожного экспресса.

Трудно описать чувства человека беспомощного перед силами стихии.

Ты – щепка в потоке: вынесет или нет – воля Судьбы.

Послушаем же до конца Игоря Вольского:

"Теперь самое время перенестись на дно и узнать, что же случилось с пропавшей группой Евгения Очкина, вернувшейся лишь через 54 часа.

Оставив ПБЛ 1300-2, сходили в конец Галереи Григоряна к озеру и вернулись на Развилку. Потом сквозь узкую щель и полусифон попали в Крымский ход, где решили сначала посетить его верхнюю часть. Перекусив у Глюкала, продолжили движение в прежнем направлении и, дойдя до сифона, который я пытался преодолеть несколько дней назад, повернули обратно. Миновав ответвление в Галерею Григоряна, группа пошла вниз, на дно пропасти, планируя на обратном пути делать топосъемку. Однако, пройдя совсем немного, спелеологи наткнулись на незнакомое озеро, преградившее им путь. Предположив, что они сбились с пути, начали было искать обход, как вдруг заметили, что озеро надвигается на них! И почему-то вода идет снизу! Бегом вернулись к повороту, но было уже поздно: из него, пенясь и шипя, шел сплошной поток. Выход закрыт, это ловушка!

На мгновение люди замерли, осознавая трагедию своего положения. Но на переживания времени не было, вода подступала уже к ногам, и они начали вынужденное отступление обратно, вверх по Крымскому ходу. Черная гладь воды, подымаясь за 6 минут на один метр, неотступно преследовала наших друзей, и ощущение своей полной беспомощности в борьбе с ее мерным и неотвратимым наступлением вселяло ужас. Все это происходило бесшумно, и лишь изредка трагическое безмолвие нарушалось зловещими звуками выдавливаемого из щелей воздуха, похожими то на глухой стон, то на змеиное шипение.

Все выше и выше паводок вытеснял наших попавших в беду товарищей, и примерно через 12 часов такого отступления они подошли к своему последнему рубежу – Глюкалу. Далее, напоминая, галерея постепенно понижалась, но вода наступала только с одной стороны и, не дойдя метров десяти до сифона и около 4 метров до потолка в самом высоком месте, стабилизировалась.

Вид Глюкала порастил пришедших. Уровень воды в нем был метров на 5 ниже, чем при первом их посещении. Собственно сифон отодвинулся вглубь, и до него нужно было идти наклонно вниз около 10 метров. Последние несколько часов ребята шли молча и не могли заметить изменения тембра своих голосов. Здесь же, пораженный видом сифона, кто-то попытался присвистнуть от удивления, но из этого ничего не вышло. Голоса неузнаваемо изменились, воздух стал тяжелым, вязким, и все сообразили, что это последствия повышенного давления.

Как видите, "приключения" сыпались на них одно за другим. Но, с другой стороны, это вселяло некоторую надежду на длительное сохранение пузыря воздуха над головой. Но если б в своде была бы хоть микроскопическая трещина, то тогда...

В общем, группа оказалась в естественном водолазном колоколе, и весь вопрос теперь заключался в том, на сколько еще может подняться давление, не выдавит ли оно водяные пробки сифонов, ведь, что за ними, мы так и не узнали. Но если даже вода выше не поднимется, то сколько она будет держать своих заложников – сутки, неделю, месяц? Пока лишь оставалось, сохраняя присутствие духа, ждать и верить в свое спасение.

Энтузиазм первооткрывателей и героические помыслы найти здесь еще что-то неведомое несколько поостыли. Уставшие от переживаний, люди, сбившись тесной кучкой, сберегая остатки тепла, сидели, опустив головы, подавленные происшедшим, в небольшой камере со сжатым воздухом, со стоящей буквально у ног водой. Для экономии света оставили включенным лишь один фонарь.

В эти тяжелые минуты характер каждого проявлялся по-своему. Евгений Очкин, как и положено руководителю группы, делал все, чтобы вселить в товарищей оптимизм, а как врач контролировал их состояние. Флегматичный Евгений Сандров, вверившись судьбе, спал. Кстати, не так давно он работал водолазом и оценил давление, в котором находился, примерно в 5 атмосфер. Галина Шемонаева, самая обаятельная и жизнерадостная из известных мне женщин-спелеологов, молча сидела на коленях у ребят и думала о своей маленькой дочери. И, наконец, четвертый член этой группы, Василий Ерастов, вел научные наблюдения, фиксируя время, скорость подъема и спада воды.

Через несколько часов пребывания у Глюкала началось постепенное понижение уровня, освободившее метров пятьдесят галереи. Из щели сбоку от сифона, пульсируя, забил фонтан. Быть может, наличие этого канала и есть разгадка тайны его невнятного бормотания? Интересно также то, что оно незадолго до начала паводка прекращается. Однако пробудивший надежду спад воды вскоре прекратился, она снова поднялась, и даже немного выше прежнего. И опять только тишина, соответствующая плавному, почти незаметному течению времени, окружала ребят, прерываемая изредка лишь приглушенными звуками переливающейся где-то в недрах этой гигантской системы сообщающихся сосудов воды.

Около суток пребывали наши товарищи в западне у сифона, когда, наконец, начался медленный, но непрерывный спад воды, который, продолжаясь ровно сутки, позволил, в конце концов, им выскользнуть из Крымского хода в Галерею Григоряна. Подобрав по пути оставленные им на всякий случай группой поиска запасной свет и продукты, пошли в базу, где вскоре и произошла долгожданная встреча".

* * *

И на этот раз обошлось.

Через 54 часа вода упала также тихо, как и поднялась, открыв путь к лагерю. Но Абац уже выбирал первую жертву...

Выше входа в Пантюхинскую был обнаружен вход в пещеру, названную Богуминская. При помощи красителей была установлена связь между ней и Пантюхинской, что давало надежду на приращение еще нескольких сотен метров денивеляции.

Вертолет над нашим лагерем Арабика-88 ушел в сторону Бзыби не для заброски. В пещере Богуминская погиб от переохлаждения руководитель поисковой группы. Подземный мир собирал дань в отместку за вырванные у него рекорды.

* * *

Июнь 1989 года. Я сижу на берегу Исети – тихой уральской реки.

Здесь, в Свердловской области, обрел прописку Третий (и как оказалось – последний) Всесоюзный слет туристов.

На несколько дней съехались сюда и спелеологи. Наша база, как обычно, в стороне от огромного, похожего на российский базар – народу много, товара нет! – табора туристов других видов.

Мы так никогда и не смогли "стать туристами", не вписались.

У нас – тишина и покой. На одном берегу реки – лагерь, на противоположном – трассы соревнований. Белые отвесы обрываются прямо в воду, старт – с плавучих понтонов. Сосны отражаются в воде, медленно скользящей мимо.

Мысли плывут, как река, медленно и спокойно.

Вот и свершилось. Вчера поздно вечером 8 июля 1989 года здесь, на берегу Исети, была явочным порядком учреждена Ассоциация Советских спелеологов (АСС) – новая спелеологическая организация принципиально отличного от всего ранее существовавшего – горизонтального построения.

Учредителями Ассоциации стали 43 представителя различных спелеологических организаций со всех концов СССР, в том числе из Казахстана.

Первым спонсором АСС стал наш клуб спелеологов "Сумган", взяв на себя расходы по размножению первого информационного письма исполкома и Устава организации.

На Урале за какие-то два часа было сделано то, что вынашивалось годами.

То, о чем думали, но все не решались реализовать.

Дорогу осилит идущий.

Итак, этот сезон мы продолжаем под флагом первой в истории страны спелеологической организации, принявшей на себя только координирующие функции.

Никаких директив, указаний, руководства, власти и подчинения.

Мы заново осознаем себя в этом мире.

Впервые в нашей дикой стране создана спелеоорганизация на основе индивидуального членства.

В конечном итоге, только благополучие каждого отдельного человека, каждого конкретного спелеолога, спелеотуриста, кейвера, карстоведа, каждого из нас – только это имеет ценность в этом мире.

Думается, что если каждому из нас в отдельности будет хорошо, то уж всем вместе – тем более.

Так думалось, так мечталось.

К обустройству мира и своего места в нем каждый должен приложить свою руку.

Чтобы потом не сетовать, что построили не то.

На Исети мы сделали небольшой шаг по пути этого обустройства. И в том, что нашей организации, едва родившейся, не суждено было жить долго – не наша вина.

Развал СССР положил конец всем планам. А тогда на Урале мы чувствовали подъем и настроены были решительно. Будет ли все так, как заложено в Уставе АСС, как понимается единомышленниками? Это зависело от многих факторов.

Нельзя сказать, что мы достигли единодушия по всем вопросам. В масштабах огромной страны нас и дальше раздирали противоречия.

Красноярск, бывший столько времени сторонником независимого пути развития, вдруг изменил курс с точностью до "наоборот", прельстившись призрачными обещаниями дотаций со стороны краевого спорткомитета.

Глупо отказываться от денег, но стоит ли ради них менять цвета своих знамен? На свои безумия деньги нужно зарабатывать самим. Или продавать результаты своего ремесла, увлечения, принося людям то, за что они готовы платить. Но не просить с протянутой рукой.

Были и другие противоречия. Но, в конечном итоге, мы и создавали Ассоциацию, чтобы каждый мог реализовать свой собственный путь, способ существования.

Чтобы вопрос, чей путь лучше, не приводил к подавлению одних другими, и только жизнь могла бы показать, кто был прав и в чем.

Временный исполнительный комитет АСС был избран в составе трех человек: Николай Андреевич Марченко – президент, Евгений Михайлович Стародубов – вице-президент, Виктор Алексеевич Новиков – член исполкома (*271).

Все москвичи. Все, кроме Новикова, известные спелеологи.

Они были первыми и последними руководителями Ассоциации советских спелеологов.

* * *

Казалось бы, все, к чему стремились последние годы, свершилось.

Но радость мешалась с грустью.

Я оставлял Исеть с чувством приближающихся потерь.

Уезжала в Израиль Иринка Зельцер, ташкентская спелеологиня, с кем неразрывно были связаны все среднеазиатские экспедиции последних лет. Мы сидели на залитом солнцем бугре над поляной слета: Ира, я и Бурул Джусупова из Фрунзе, Иринка переписывала мне в блокнотик слова старинной нашей песни, что звучала на знойных ташкентских улицах, песни – слова которой я все как-то не удосуживался выучить.

А тут вдруг подумал – а ведь мы можем уже никогда не увидаться! – и заторопился.

– Слышь, Ир, ты напиши мне ее...

– Ту самую?

– Ты же ее знаешь...

– Пишу уже!

Такое несерьезное "пока" –

Как будто, правда, вместе соберемся.

Уткнули горы лица в облака,

А мы, как будто нам смешно, смеемся.

Как будто расставаться нам легко.

Как будто ничего нас не связало.

Как будто бы совсем недалеко

Расходятся дороги от вокзала. (*272)

Мы сидели на травянистом склоне над главной поляной слета, ожидая автобусы на отъезд – как символы трех азиатских республик, еще вчера неделимых, но уже замершие в предощущении неотвратимых перемен.

И гитара в Иркиных руках не звучала, и попросту валилась из моих.

Как щедро адреса мы раздаем –

Как будто, правда, что-нибудь напишем.

Давайте лучше песенку споем –

Ее-то мы когда-нибудь услышим.

Пусть будет, как письмо, она для нас,

Как восточка шальная друг о друге,

О тех, кто был в горах с тобой в тот раз,

И кто сидел тогда вот в этом круге.

И плыли перед глазами Самарканд и Ташкент времен наших спелеоэкспедиций.

И вставали во весь рост каньоны Кугитанга, где в марте 1985 года мы познакомились с "самаркандскими томичами" Гришкой Пряхиным и его женой Любой, чей гостеприимный дом привечал все спелеоэкспедиции.

И потом, после экспедиций на Киевскую, Самаркандский вокзал.

И жаркая самаркандская ночь.

И мы – из Усть-Каменогорска, Ташкента, Самарканда, Ашхабада.

И Гришкина малюсенькая гитара.

И эта песня.

Ты помнишь, по палатке снег шуршал,
И мы теплом друг друга согревали,
Как ветер ранним утром нас встречал,
Когда мы выходили к перевалу,
И как туман над склонами летел,
Как на вершине мы стояли вместе.
Ты вспомнишь дорогих тебе людей,
Когда услышишь ты вот эту песню.

А Иру Зельцер с тех пор я больше не видел.

И может быть, больше не увижу никогда. (*272')

А кого еще я увижу из тех парней и девчат?

* * *

Но шел только 1989 год.

И будущее все еще казалось ясным до предела.

Мы расставались друг с другом, но не с пещерами.

А скоро закружат нас горные дороги.

Новый сезон.

Что нас ждет впереди?

Оказавшись в горах, я испытываю облегчение, сравнимое разве что с облегчением горожанина, добравшегося до собственной квартиры: "мой дом – моя крепость".

В горах я переживаю иллюзию свободы.

А может быть, это и есть сама Свобода?

В горах мы не зависим от скученного общежития городов.

Мы полагаемся только на самих себя и умение ладить с силами Природы.

Вот оно – главное.

Свобода – это не есть осознанная необходимость, как утверждают марксисты и большевики.

Свобода – это необходимость преодоленная.

Это зависимость только от объективных законов природы и собственной воли.

Издавна люди стремились к двум вещам – свободе и справедливости. Кто-то мудрый заметил, что там, где есть свобода, нет справедливости, потому что вступает в силу закон сильного, а справедливость всегда ограничивает свободу сильных в пользу слабых и незащищенных.

В горах я ближе всего к безболезненному компромиссу между этими желанными крайностями.

И это делает меня счастливым.

* * *

К чему мы стремимся?

Вечное познание бессмысленно, если не находить наслаждение в самом его процессе.

Все обещенивается и в том случае, если узнать, что выше достигнутого – нет уже ничего. Достижение конечного также печально, как и осознание невозможности достичь бесконечного.

Грустно взойти на высочайшую вершину мира.

Пещеры, в отличие от гор, все еще оставляют нам надежду...

Вот и все, вот и все,

Вот и кончилось –

Мы стоим на пороге разлук.

Что ждало нас –

Отмерено полностью:

До свиданья, мой ласковый друг!

Эти сосны и скалы, уснувшие

В темном зеркале спящей реки, –

Все в мгновение ока разрушится,

Когда мы соберем рюкзаки.

Но когда-нибудь снова мы встретимся

У грядущих неведомых скал,

И припомнится вдруг

Этот Третий

Всесоюзный наш слет и Урал

Эти сосны и скалы, нависшие

Над спокойствием сонной реки,

Нам привидятся, видятся, видятся,

Когда мы соберем рюкзаки.

Это сбудется, сбудется, веришь мне?

В день неведомый, в ночь у костра

Вдруг взовьются, как флаги над крепостью

Наши встречи, Исеть и Урал

Ах, вы, сосны и скалы беспечные!

Твои руки, как воздух, легки

Все останется памятью вечною,

Когда мы соберем рюкзаки... (*273)

* * *

Минула осень, накатила зима.

В начале февраля 1990 года получаю письмо.

Прошлым летом в Пантюхинской случилось несчастье – в 107-метровом колодце на спуске порвалась веревка.

Почему? Шесть или семь человек спускались по этой веревке, пока один, в самом начале спуска, не допустил серьезного рывка. Платой за ошибки оказалась жизнь.

Подробностей я не знал. Неужели группа работала на одинарной веревке?

Эта мысль не давала мне покоя, и я написал руководителю керченских спелеологов, моему старому товарищу по кавказским дорогам Сергею Клименко.

И вот ответ.

"Здравствуй, Костя!

Спасибо за поздравление с Новым годом.

О несчастном случае: при спуске из-за перегрузки основной веревки произошел ее обрыв. Самостраховка по тросу оказалась неэффективной.

*По итогам 1988 года составлен отчет в полном объеме (с полным набором картографического материала: СТО (*274), разрез, план).*

У нас большие планы по работе в Пантюхинской и еще не на один год. Это трассирование водотоков, как подземных, так и поиск разгрузки на поверхности.

Поиск дальнейшего продолжения как вверх, так и вниз. Много перспективных мест. Уточнение глубины, так как она может быть чуть больше. И еще много других задач.

Надо отметить, что пещера уже сильно замусорена, а желающих посетить ее и оставить после себя грязь, становится все больше. Мы не хотим, чтобы она стала похожа на Солдатскую, практически не посещаемую из-за жуткого запаха гниющих остатков и мутной воды, совершенно непригодной для питья и приготовления пищи.

В этом году будем работать несколькими группами и в разное время, но основная работа планируется на август. Я думаю, нам было бы неплохо согласовать наши действия, чтобы мы не только не помешали друг другу, а совместно поработали на пользу дела. SRT для нас пока удел будущего, мы работаем: веревка-веревка, трос-веревка.

Кстати, если не знаешь, глубина пещеры 1571м.

С наилучшими пожеланиями, Сергей Клименко."

Перечитываю, не веря своим глазам.

Пантюхинская -1571 метр?!

Это Полюс! Это рекорд. Это победа!

Пантюхинская – глубочайшая пропасть мира!

Глубочайшая ли?

***262 К.Б.Серафимов** "Арабика", 1988г.

***263** В 1988 году, к которому относится описание нашей работы в Илюхинской, Лампрехтзофен еще не достигла этого уникального и без преувеличения замечательного успеха.

***264 "Ехо"**, сентябрь 1987, газета Болгарского Туристического Союза, София.

***265 ОБТЮРАТОР** – обтягивающий лицо капюшон гидрокостюма.

***266** Тшу себя надеждой, что эту фразу сконструировал я, но, возможно, мне это только мнится.

***267 К.Б.Серафимов** "А помните?", Арабика – Адлер, 1988г.

***268 И.С.Вольский** "Пропасть им. В.С.Пантюхина. Будет ли новый мировой рекорд?"

Издательство МФТИ. спелеоклуб "Барьер", Москва, 1994 год.

***269** 1025 метров – это официальная цифра, однако позднее отметка дна Большого колодца Пантюхинской (К-200) была определена – 1100 метров. Судя по длине сделанной нами в 1990 году SRT-навески, я склоняюсь к этой цифре.

***270** Думаю, близость к Мировой короне на многих оказывала парализующее действие.

Страшно было заявить "Мы – первые!" – вдруг придется доказывать? Вдруг придут маститые, проверят и найдут ошибку в измерениях? Скандал... А так, вторые, все тихо-мирно. А там будет видно. Мы все выросли в "краю запуганных идиотов..."

***271** Кто такой Новиков, я до сих пор толком не знаю. Марченко туманно намекнул, что это "нужный" человек, который должен помочь в оргвопросах, которых предстояло немало.

***272** Я, к сожалению, я не знаю автора этой песни.

***272'** Мы встретились! Уже в 2003-м году, в Израиле... А вот с Бурул нет.

***273 К.Б.Серафимов** "Посвящение Последнему Всесоюзному Слету", Свердловск, Исеть, 1989г.

***274 СТО** – спортивно-техническое описание.

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"

www.sumgan.com